

«Бесплатно пою по телефону»

Был скучный и серый осенний день. Сорокалетней учительнице музыки Ирине Степановне вовсе не хотелось тащиться на работу в свою опостылевшую музыкалку. Опять эти тупоумные неслухи, которым на уши понаступали не то, что слоны, а целое стадо мамонтов, будут барабанить день-деньской на разбитых фортепиано (новых в этом году опять не будет), вертеться на табуретках и канючить: «Отпусти-и-ите пораньше, Ирина Степановна... Чесслово, до понедельника выучу».

И она, страдая от мигрени и собственной мягкотелости, в очередной раз отпустит их по домам пораньше, а сама будет торчать как идиотка в полупустой школе, страдая и поминутно поглядывая на часы.

Пробило два часа. Он так и не позвонил, и она в тысячекпервый раз приняв храброе решение ни самой за что не звонить (навязываться кавалеру? фи!), решительно отправилась домой. Хватит, в самом деле. Все только делают, что пользуются ее добротой. Вот она им всем покажет!

А показывать-то особенно было нечего. Худая, поблекшая, чуть сутулая женщина, в поношенном сером пальто и черных стоптанных туфлях, с затравленным взглядом. Мужчины вслед ей не оборачивались и не стремились получить номер ее телефона. Исключения бывали только по служебной необходимости. Она к этому уже привыкла.

От школы, где Ирина работала, до метро было не более десяти минут хорошего ходу. Будучи рассерженной, как сейчас, она проходила этот путь вдвое быстрее. И сейчас, наткнувшись взглядом на белый плакат с объявлением, вывешенный на недостижимой высоте внушительного бетонного небоскреба, она с разбегу споткнулась, и ее по инерции чуть пронесло вперед.

На плакате было крупными черными буквами написано: «Бесплатно пою по телефону».

«Что за чушь?!» - остолбенела незадачливая учительница музыки. «Почему – бесплатно? Почему-по телефону?»

Но номер она записала, сама не зная, для чего. И придя домой, позвонила:

- Поете?

- Пою.

- Спойте что-нибудь из классики.

- Пожалуйста. Ария Ивана Сусанина «Чуют правду» вас устроит?

- Да, пожалуйста.

В трубке загредел роскошный, хорошо поставленный бас.

«Профундо!» - ахнула она. Мягкий бархатистый голос заполнял невидимую комнату где-то на верхотуре бетонного небоскреба, вливался в ее прижатое к трубке ухо и растекался медленными волнами по всему ее бытию. Этот поток мог длиться бесконечно - она не тронулась бы с места, превратившись в русло плавно текущей реки.

- Но ...почему вы поете бесплатно? - спросила женщина, когда голос умолк.

- Долгий разговор. Вы далеко? А то зайдите, поговорим.

- А как к вам обращаться?
- Тимофей Дормидонтович.

«А вот и пойду!» - назло кому-то невидимому воскликнула Ирина Степановна, рассудив, что неведомый певец вряд ли использовал свой чудный голос для того, чтобы заманивать женщин и впоследствии расчленять их. Очень скоро это заметили бы, и крупно написанный плакат исчез бы с его окна, не дождавшись, пока некая Ирина Степановна бросит на него свой заинтересованный взор.

...Через полчаса она уже сидела за столом в светлой зале, наполовину занятой роялем, прихлебывала отлично заваренный чай и слушала темноволосого мужчину примерно ее возраста, одетого в новую бархатную куртку. «Он не всегда поет бесплатно» - мелькнула догадка.

- Вы выступаете? С таким голосом, как у вас...
- Да, но очень редко. Страх перед залом появился после смерти жены. Она сочувственно покивала.
- Но все равно надо петь. Вы не должны зарывать свой талант в землю.
- Скоро меня самого заруют,- мрачно пошутил собеседник.
- И вы встретитесь с теми, кого любили...
- Вряд ли. Не особенно я в это верю, признаться.
- Но как так?!

- А вот так. Мы живы, пока нас помнят. Вот это я знаю твердо. А остальное - кто хочет - пусть утешается.

Ей стало зябко и неудобно. Да и домой пора, что она сидит с этим странным человеком?

- Так почему же бесплатно?
- Дела давно минувших дней. Когда-то я пел в церковном хоре...

И он рассказал, как в течение нескольких лет после окончания консерватории он не мог никуда устроиться и пошел по первому попавшемуся объявлению о наборе в хор главного городского собора. Его сразу приняли, дали высокий оклад, нагрузка была приемлемой, жить бы да радоваться. Но постепенно высокая радость первых месяцев служб сошла на нет. По мере того, как он вращался в жизнь прихода, стали возникать искушения. Денежный учет на приходе велся из рук вон плохо, хористы брали из кассы кто сколько хотел, и часто забывали рассчитаться. Однажды кто-то взял особенно крупную сумму и не вернул во время. При составлении годового отчета престарелые сотрудницы бухгалтерии не стали особо разбираться и «повесили» недостачу на того, кто пришел последним и кого никто не знал. Этим козлом отпущения и оказался певчий Тимофей. Он не стал спорить. До копейки выплатил всю сумму. Потом ушел из соборного хора, хотя и регент, и ведущие солисты уговаривали его остаться. Настоятель обо всей этой истории так и не узнал. Ему было под 80, и его берегли.

- После этого я дал зарок петь бесплатно,- продолжал он.
- А на что же вы живете?

- Даю уроки вокала, репетирую. Иногда аккомпанирую на корпоративах. Знали бы вы, что там творится!

- А в церковь не ходите?

- Захожу иногда.

Она стала прощаться. Хозяин не задерживал гостью. Обменявшись номерами телефонов, они расстались.

- Грешно зарывать талант в землю, - сказала учительница на прощание. Да и храм бросать нельзя. Подумайте, может, вернетесь?

Он отрицательно покачал головой.

Она, задумавшись, шла по улице. И спохватилась, когда увидела перед собой гостеприимно распахнутые двери собора...

«Зайду», - решила Ирина. И вошла.

- Где здесь кабинет настоятеля?

- А как о вас доложить?

- Педагог из музыкальной школы.

- Подождите.

...Через полчаса из кабинета вышли двое: осанистый старец с золотым крестом на груди и невысокая, просто одетая женщина с сияющими глазами.

- Спаси вас Господь, что зашли. Я перед вами в долгу. Приходите когда пожелаете. И на службу, и ко мне, если не буду очень занят. Всегда рад вам. Вот, возьмите на молитвенную память,- старец протянул ей иконочку мученицы Ирины.

А через месяц на очередном празднике на служб в храме стояли два до самозабвения счастливых человека: в массе молящихся - скромно одетая, чуть сутулая женщина, покрытая белым кружевным платком, и на правом клиросе-статный, величавый певчий, чей бас гремел на весь собор. И каждый чувствовал другого, не глядя. Да и куда было разглядеть в такой толпе!

*Марина Васильева
Март 2015*